

НАЧАЛО
НА СТР. 5

ленькие тарелочки с конфетами и печеньем. Алтынгуль заваривает чай по-узбекски: первая порция наливается в кружку и сразу выливается обратно в чайник для цвета, вторая выпивается хозяином, третья отдается гостю, и далее по старшинству.

— Пока я жила на родине, связь с детьми прервалась, и я, испугавшись, приехала обратно в Россию. Первым делом поехала на «Владимирскую», в тот дом, где мы раньше жили. А там незнакомые люди, и где мои дети — они не знают. Уже и не помню, как детей нашла: столько позвонила, столько куда съездила, а нашла здесь — в этом доме. Оказывается, их выгнали из той квартиры, и они боялись мне рассказать, что по рынкам да по телефонным будкам и подъездам жили. С тех пор так тут и живем в четырех комнатах: я, мой муж, пятеро детей и квартиранты, которые меняются так часто, что я и со счета сбилась, сколько их было.

Людей действительно много: пока мы сидели и разговаривали, в комнату то и дело заглядывали мужчины и женщины, забежали и смущенно потоптались в дверях три девочки лет семи-пяти. Кто-то просто здоровался и уходил, кто-то заходил и молча присоединялся к разговору. Люди располагались на диванах и расставленных стульях, кто-то садился на пол. Зашла женщина с младенцем и, что-то сказав по-узбекски, передала его младшей дочери. Как выяснилось позднее, женщина работала в ночную смену, а пятимесячного сына оставляла соседям. Присмотреть за ребенком ночь стоит 200 рублей. Малыш спал (его просто положили на диван), и разговор продолжился.

— За эти 10 лет две дочери в России нашли женихов. И тот и другой узбеки. Одной свадьбу сыграли в Петербурге, второй вот в сентябре в Узбекистане справим — жених сейчас в Москве на нее зарабатывает. Вообще, ни сыновья, ни дочери с русскими не гуляли, да и из их друзей я не припомню, чтоб русских сюда приводили. Давайте мы видео покажем, как узбекская свадьба в Петербурге играется.

Муж старшей дочери берет из внушительной стопки первую кассету и включает видеомэгафон. Какой бы ни был недостаток у семьи, свадьба должна играть дорого. И вот на видео к дому, которой я всегда воспринимала как расселенный и полузаброшенный, с обшарпанными стенами и одеялами вместо окон, подъезжает лимузин. Выходят жених, выводят невесту, и все едут кататься — Дворцовая набережная, Марсово поле. Машины едут по Невскому, и из окон вылетают деньги разного номинала — традиция, сулящая богатство. Стрелять на узбекской свадьбе не принято. Основная часть торжества проходит в ресторане, поскольку бракосочетание на территории России не редкость, то можно найти узбекский музыкальный ансамбль, узбекских танцовщиц и узбекского тамаду, да и обслуживающий персонал весь из соотечественников, поэтому практически все как на родине.

Вдруг в коридоре оживленно начинают сновать люди и слышится русская речь вперемешку с громкой узбекской. Алтынгуль суетливо собирается и спешит выйти посмотреть. Через несколько минут в комнату заходят узбек и два русских парня лет тридцати. Как я понимаю из разговора, это сын хозяина квартиры и его друг, они пришли за оплатой. Их приглашают к столу, на видео банкет

в разгаре, а за наш стол приносят арбуз и опять лепешки.

— Смотри, как отплясывают и хохорятся. А как УФСМ прижимает, так звонят и как забитые мыши, — комментирует видео сын хозяина.

На видео в центр зала выходят двое мужчин, звучит первый тост на русском языке — это хозяин квартиры дядя Коля и его сын, который сейчас сидит рядом с нами и ест арбуз. Дядя Коля — здоровый блондин лет пятидесяти, с большим животом, одетый в белоснежную рубашку. Он стал хозяином этой квартиры 3 года назад, сразу поднял оплату, но большой семье переезжать уже было некуда. За 10 лет сильно поменялось отношение к приезжим, да и отлаженный быт и бизнес терять не хотелось.

Старшая и младшая дочери пекут лепешки, готовят горячую еду и продают ее водителям на автостанции, что неподалеку. Как они говорят, для этого бизнеса им не нужно ни разрешения на работу, ни временной регистрации, да и санкижку никто не спрашивает, когда покупает лепешку. Продажа идет утром, а днем и вечером женщины из дома не выходят, поэтому документы не оформляют — лишняя трата денег.

Когда русский гость ушел, старшая дочь Алтынгуль зовет меня помочь ей готовить лепешки для утренней продажи.

Кухня

Плита, грязный ковер, низкий стол из доски, матрас с набросанной верхней одеждой в углу и разбитый кухонный гарнитур, из которого торчат кастрюли, сковородки, стеклянные банки — все это, обернутое в кафельные стены, служит кухней. На полу сидят мужчины, но, когда мы с Юлдуз заходим, они поднимаются и выходят.

— Почему они вышли?

— Ты пока чужая.

Пространство очень маленькое, горит тусклая лампа, и окна не завешены, а, напротив, открыты настежь. Юлдуз снимает с подоконника таз с тестом, садится на пол и большим кухонным ножом начинает делать заготовки для лепешек. Постепенно сюда приходят беременная невестка Алтынгуль, младшая дочь Бодомгул, три девочки лет пяти-семи (их 2 месяца назад оставила мать, чтобы присмотрели, но так и не забрала), входит Газиза, про которую говорят, что она на 10-м месяце (живот очень большой, и точного срока родов не знает никто, даже будущая мать). Женщины компактно разместились вокруг стола, на матрасе и на ковре. Кто-то помогал раскатывать лепешки, кто-то резал лук, Бодомгул нянчилась с младенцем за 200 рублей. Маленькая кухня уместила и распределила работу всем. Газиза учит меня, как правильно катать тесто для лепешек, чтобы получались ровные шарики.

— А вы рожать будете здесь или уедете в Узбекистан?

— Здесь, но в консультацию я не хожу, по скорой уеду. Вот и Зухра не ходит к доктору, хотя ей мать говорит, но у нее нет временной регистрации, у меня тоже нет, да и дорого наблюдение.

— Не страшно без наблюдения рожать?

— Не-е, у меня это уже четвертый будет.

Газиза — высокого роста киргизка лет тридцати, ее первые три дочери остались в Узбекистане и живут с мамой, как и с кем будет этот ребенок — неизвестно, так как она не замужем

и, хоть у нее уже есть дети, с этим обратно на родину возвращаться не хочет. Я не стала спрашивать, думает ли она о здоровье малыша, о своем здоровье или о здоровье других рожениц. Было понятно, что отношение к уже рожденным детям и есть тот самый ответ.

Сложная судьба ждет и будущего ребенка Зухры — сын Алтынгуль не женат на ней официально, а значит, возвратиться к родителям она не сможет. Скорее всего, внука забереет Алтынгуль. Младенец, которого оставляют каждый день за 200 рублей, тоже успел вкусить сложной мигрантской жизни: сразу после рождения его отдали в приют, потом забрали, и вот сейчас он кочует из одних рук в другие, из одной комнаты в другую, пока мать на работе. По ночам он не дает выспаться сестрам Бодомгул и Юлдуз, а они рано утром идут продавать лепешки водителям и вот уже третий день просыпают.

Выбор (или ребенок, или заработок) очевидно не в пользу малыша — не только со стороны сестер, но и со стороны его матери. На вопрос, почему не предохраняются, отвечают, что либо муж/сожитель против, либо вера не позволяет. Вот и рожают покорные верующие женщины детей.

Ночь уже второй час как вступила в свои права, и жители расселенного дома расходятся спать. В моей комнате кроме меня спят Юлдуз, Зухра и младенец за 200 рублей. На ковре расстилают одеяла для Зухры с ребенком, а я и Юлдуз будем ночевать на диванах. Свет не выключается. Рассматриваю огромную дыру в потолке, из которой чернеют гнилые балки перекрытия. Все вокруг затихает, слышно только, как тараканы задевают отслоившуюся краску на потолке и отошедшие от стен обои — не боясь ни света, ни людей, они перебегают по всей комнате, их очень

